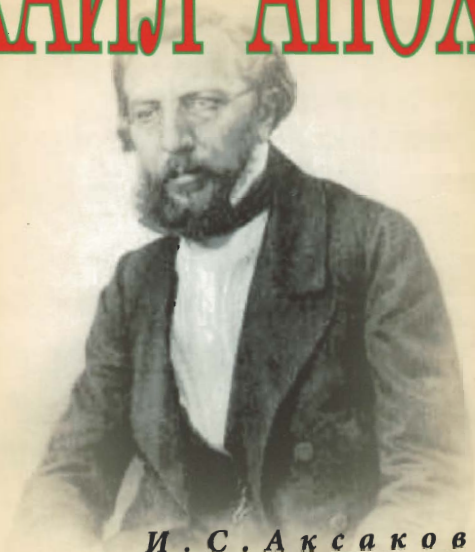

84(2Рсс-Рсс-42)
АГС 4Б

МИХАИЛ АНОХИН

И . С . А к с а к о в

ИУДЕИ И ВЛАСТЬ

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Кол-во пред. выдач.

3 ТМО Т. 3.600.000 З. 1204—92

84(2 Рос = Рус) - 4 кл. 16.
А С С
7/к
- ЦБ

МИХАИЛ АНОХИН

ИУДЕИ И ВЛАСТЬ

0548299

Публицистика

Г. Прокопьевск

ПОДАРЕНО
Ваймур В.Н.
22 12 2014г.

43
Прокопьевская ЦБС
Центральная
Библиотека

ББК 84(2 Рос0Рус)

Анохин М.П.

Иудеи и власть

Самиздат

Ленина 33 кв 63

Дизайн обложки Л.Козлова.

Редактор Л.Козлова.

Автор член Союза писателей России, дипломант международных и региональных конкурсов, в своём творчестве продолжает русскую традицию гражданской литературы.

ББК 84 (2Рос-Рус) т 57

ИУДЕИ И ВЛАСТЬ

Чем дольше живу, тем острее ощущения того, что ничего еще не знаю. Вот на 70 году жизни открыл для себя публицистику Ивана Аксакова, а перед этим читал взхлеб публицистику Михаила Меньшикова, (начало прошлого века!), а там малоизвестные работы Салтыкова-Щедрина, как «Письма тетушки» или «Домик в Монрепо». А ведь, казалось бы, вся сознательная жизнь была посвящена одной единственной цели, поиску мудрости, а еще точнее, поиску ответа на вопрос, что такое человек? Что такое Я и Ты? Книги, книги и книги! Даже работу написал: «Иудейская община и её влияние на судьбы народов».

Пришлось погрузиться в философию иудаизма, и одних только иудейских авторов, начиная от Ветхого Завета, Пихноса Полонского, Мартина Бубера, Эдуарда Ходоса, Якова Брафмона и так далее, наберется больше двух десятков. Об авторах не евреях промолчим – их целая библиотека!

И вот новость, буквально потрясение – Иван Аксаков! Да и вопрос, который он поднял, давно меня интересовал – это иудеи и окружающий их мир. Точнее, иудеи и власть.

Не стану утомлять читателя собственными рассуждаловками, на которые русский человек горазд. Ведь кого о чем ни спроси – у каждого есть СВОЁ МНЕНИЕ. А вопрос - на чем оно основано? – ставит собеседника в тупик. А уж на еврейскую тему порассуждать – все горазды, даже те, для кого – еврей и иудей + жид - одно и то же! Хотя понятно, что русский человек не всегда православный, есть и атеисты, и

верующие в ислам. Так же и евреи не одна "масть". Однако же...

Я просто приведу выдержки из работ Ивана Аксакова по этой теме. Вопрос касается власти иудеев в христианском государстве. Предупреждаю, что это фрагменты, вырванные «с мясом» из текста.

Итак, читайте и думайте!

Москва, 16 февраля 1862 г.

«Выражения «идея века», «либеральная идея», «гуманная мысль» – сделались в нашем прогрессивном обществе каким то пугалом, отпугивающим самую смелую критику. Это своего рода вывеска, за которой охотно прячется всякая ложь, часто не только не либеральная и не гуманная, но насильственно нарушающая и оскорбляющая права жизни и быта безгласных масс в пользу мнимо угнетенного, крикливого, голосащего меньшинства.

Этот деспотизм некоторых идей, это слепое раболепство некоторым кумирам объясняется историей нашего общественного развития и, бесспорно, имеет свою полезную сторону, если сами идеи нравственны.

Оно способно иногда воздержать наклонность – действовать в духе, уже совершенно не гуманном и не либеральном: многие добрые дела делаются если не по убеждению, то из страха, из некоторой душевной подлости пред грозными идеями века. Такое основание, конечно, не нравственно, не прочно, не всегда плодотворно, но, тем не менее, может быть допущено в области практической как внешняя узда для тех, которые не вразумляются внутренним достоинством господствующей

мысли.

Все это так; но критика общественная должна безбоязненно входить в исследование самого содержания всякой новой идеи, не обращая никакого внимания на ее чин и породу, не смущаясь тем, что она состоит в звании идеи века и аристократического, т. е. европейского происхождения, а относясь прямо к ее абсолютной, внутренней ценности. Так и по вопросу о евреях мы большею частью только расшаркиваемся учтиво, и – надобно признаться – не совсем искренне, пред всякою новою для них льготою, не отдавая себе отчета в смысле, значении и пределах таковых льгот. Мы сказали: «Не совсем искренне», и в доказательство можем привести спор нашего малороссийского или южнорусского сборника «Основы» с еврейским журналом «Сионом», спор, в котором личное раздражение «Основы» заставило ее приподнять уголок завесы, прикрывающей ее настоящее, сокровенное, если не воззрение, то, по крайней мере чувство, в отношении к «Иудеям» (как она их называет), и употребить выражения, несколько противоречащие обычному строю речей нашей литературы, когда дело касалось или касается еврейского племени.

Недавно вышел новый закон о евреях, дарующий им новые и весьма важные льготы, именно: евреи, имеющие дипломы на ученые степени доктора, магистра или кандидата. «допускаются на службу по всем ведомствам» и по всей России.

Этот закон, которого нельзя не признать вполне милостивым и либеральным, был приветствован во многих наших литературных органах пышными и громкими фразами о

нашей «современности и веротерпимости». Но мы смеем думать, что наши защитники и ревнители иудейских интересов не так поняли закон, как бы следовало, и, во всяком случае, не уяснили себе сами тех пределов, до которых может идти его практическое применение. Конечно, выражение «по всем ведомствам» не вполне передает мысль законодательную, и, конечно, его нельзя понимать без ограничения. Так, например, нельзя же предположить, чтобы оберпрокурором Святейшего Синода мог сделаться еврей, еврей не по происхождению, а по вере!

Мы думаем даже, что наши литературные прогрессисты не решаются, при всей дерзости своего прогресса, признать подобное явление возможным... Почему же нет? С их стороны это будет только недостаток, или, лучше сказать, робость последовательности. Ведь звание оберпрокурора не есть духовное, а чисто гражданское звание, и область управления, ему подчиненная, называется «ведомством». Однако же, наверное, сами наши прогрессисты согласятся, что еврея во главе этого ведомства даже и предположить невозможно. Они сами найдут, конечно, что здесь противоречие слишком резко. Пойдем дальше. Предположим, что кто-нибудь сказал бы нашим прогрессистам: желаете ли вы и считаете ли сбыточным, чтобы правительствующий Сенат, Государственный совет и вообще законодательные учреждения России наполнились евреями, и не в канцелярских, а в самых высших должностях и званиях?

Подадут ли наши прогрессисты свой голос в пользу и даже за возможность такого явления? Сомнительно, и даже есть основание думать, что ими овладеет некоторое, может быть,

даже несправедливое опасение, чтобы законодатель – еврей, Моисеева закона, не вздумал в России законодательствовать в духе моисеевом!...

Стало быть, является новое ограничение к допущению евреев служить по «всем ведомствам»? В этом-то смысл и полагаем мы, что новый закон о евреях нельзя разуметь без ограничений.

Постараемся подойти к этому вопросу поближе, и притом даже с точки зрения не христианской, а просто языческой, но предположим язычника частного, правдивого, относящегося к делу со стороны, вполне беспристрастно, и предъявляющего касательно нас только одно требование; логики и последовательности.

Вот земля, именуемая себе христианскою. Христианство – такое учение, которое, по мнению христиан, указало особые начала для всего нравственного и духовного мира человека, а, следовательно – и общества, и на основании этих начал пересоздало и пересоздает быт частный, общественный, гражданский, государственный, просвещение, науку, законодательство, отношения людей между собой, одним словом, всю область человеческой деятельности. Истинно или не истинно оно в своем существе – этот вопрос в сторону, но таков факт, которого отрицать нельзя.

Народы, исповедующие христианство, уклоняются от правил своего учения, но постоянно признают его за свой идеал, за цель своего существования, за свое знамя.

Сказать – христианин, и всякому известно, что от этого звания требуется и какому нравственному кодексу – предполагается – он должен следовать. Нет возможности, да и

надобности производить испытание над совестью каждого и исследовать его личное отношение к христианству, но достаточно видеть знамя, под которым он стоит, чтобы требовать от него общественных действий, согласных с общественным знаменем. Это знамя в России – христианское. В христианскую землю приходит горсть людей, совершенно отрицающих христианское учение, христианский идеал и кодекс нравственности (следовательно, все основы общественного быта страны) и исповедующих учение враждебное и противоположное

Естественно спросить – зачем они приходят в страну, под христианское знамя которой стать они не могут? Но им некуда деться, они голодны, сиры, везде и всюду гонимы. Христианская земля, руководствуясь духом своего учителя, дает им приют и средства существования, свободу внутренней и гражданской жизни. Больше этого она дать не может.

Больше этого дать – было бы возможно только в таком случае, если предположить ложь с той или другой стороны, то есть – что или христиане лгут, именуя себя христианами, или евреи лгут, официально исповедуя закон Моисеев. На этой-то взаимной неискренности и основывается новейшее современное отношение христиан и евреев!

Евреи пришли к христианам – хозяевам земли, в гости. Хозяева могут принять и даже уважить гостей, хотя и непрошенных, но не могут посадить их за свое хозяйское место и дать власть хозяйскую тем, которые проповедуют ниспровержение всякого хозяйского порядка; не могут предоставить им волю распоряжаться и управлять домом. «Но

они не станут опровергать порядок, – возразят некоторые. – Они этого не проповедуют».

Тут не место таким уверениям, ответит вам всякий честный язычник: лазить в чужую душу и экзаменовать частную совесть не приходится, а следует обратить внимание на штемпель, которым заклеимен человек, на вывеску, которую он носит, на знамя, под которым он стоит, на учение, которое он официально исповедует.

Вам нет дела – искренне ли он его исповедует или лжет, но он от него не отрекся, следовательно, он продолжает его держаться, продолжает держаться начал, враждебных началам вашего народа, вашему знамени. Вопрос не о том, кто прав, кто не прав, а о том, в каком взаимном отношении должны находиться оба учения и исповедники этих учений, если они искренни.

Что сказал бы честный Брут, если бы, внезапно воскреснув, он был свидетелем взаимных учтивостей и нежностей поляков католиков и евреев в Варшаве в прошлом году?

Евреи, в припадке восторга, подносят католикам крест – эмблему распятия, распятия, совершенного евреями над тем, кого католики признают Богом. «Стало быть – евреи соглашаются со смыслом христианской эмблемы и уже отреклись от своего учения?» – спросил бы Брут. – Нисколько.

Католики, со своей стороны, проливая слезы умиления, строят или дают деньги на постройку храма, синагоги, где должно раздаваться учение, противное Христову и христианству...

«Стало быть – католики уже не исповедуют своего Христа?»

– спросил бы Брут. – Нет, исповедуют, т. е. говорят, что исповедуют.

Ксендз шествует с раввином, под ручку, в процессии... «Ведь они оба служители храмов, – спросит опять наивный Брут, – проповедники учений несовместимых, противоположных? Значит, один уступил другому, или оба убедились в лживости своих учений, или каждый признал истину учения, своему противоположного? Но ведь одно исключает другое? Как же это согласить?»

– Нет, оба числятся, каждый при своей вере.

– «Так это не честно! – воскликнет Брут. – Было бы в тысячу раз честнее и нравственнее, если бы католики и евреи пришли друг к другу и сказали: мы отказываемся от Христа и его заповедей, а мы от Талмуда и ожиданий мессии, мы соединяемся друг с другом во имя нашего человеческого звания!...

Но так как они этого не говорят и продолжают официально принадлежать к учениям христианскому и еврейскому, то они являют безобразный пример гнусной лжи, лицемерия, неуважения к своему званию и презрения к народу, исповедующему свою веру искренне!...»

Согласитесь, читатель, что это правда, что так должен посудить всякий беспристрастный, даже чуждый иудаизма и христианства честный, правдивый человек!

Но у наших прогрессистов есть в запасе словцо, которое, по их мнению, все разъясняет и разрешает. Это дух современной цивилизации, цивилизации XIX века.

Что ж это такое? Новая религия, что ли? Где кодекс этой цивилизации? Где отыскивать ее, наконец? Даже еврейский

журнал «Сион», и тот в одном из своих номеров опирается в требовании новых прав для евреев на просвещение XIX века. Невольно хочется спросить «Сион» (очень умный и замечательный журнал, между прочим): «До какой эры этот XIX век? Это XIX век эры христианской, христианской проповеди и христианской цивилизации, вами отвергаемой, а потому вам и ссылаться на него неприлично.

Что такое значит дух современной цивилизации? Выражается ли она в том, что англичане теснят славян и поддерживают гнет над ними турок, отвергающих цивилизацию?

В учении материалистов, отвергающих понятие о добре и зле и низводящих человека на степень безответственного животного, лишённого внутренней свободы воли?

В разврате ли женщин, проповедуемом некоторыми коммунистами? Очевидно, что повторяющие это слово – сами не дают себе ясного в нем отчета и должны будут при допросе свести свои открытия в области цивилизации к тем нравственным истинам, которые все давно уже проповеданы миру именно Евангелием, которые, действительно, в наше время, шире воплощаются в жизни, но которым еще далеко до полного на земле осуществления, согласно христианскому идеалу.

Итак, только во имя христианских же начал, а не какой-то цивилизации можно желать расширения льгот и прав для евреев, но нельзя же, опираясь на начала, внесенные в мир христианством, требовать отрицания и отвержения этих начал! Это бессмысленно. Веротерпимость, повелеваемая христианским учением, не значит вероугодность, не значит равнодушие к вере, а еще менее – отречение от своей веры и

своего знамени».

ЗАПИСКА ОТ НЕ УЧЕНОГО К УЧЕНЫМ

о либеральных ценностях, экономики и обо всем том, что беспокоит некоторую часть граждан.

Так начинал многие свои статьи известный русский философ Николай Федорович Федоров. Поскольку я не кандидат наук, к тому же, окончил среднюю школу в возрасте 24-х лет, то с полным правом, и с глубоким прискорбием, могу именоваться неученым.

На оптимистичную статью кандидата философских наук, Дмитрия Манакова: «Не торопитесь хоронить либерализм» [1], отвечаю еще более оптимистичным утверждением: «Не торопитесь хоронить никакой «изм».

А теперь, как принято на философских диспутах, формулирую свой посыл: любая идея, доведенная до своего логического конца, обращается в свою противоположность. Именно так я воспринял один из законов диалектики. А теперь совсем просто и ясно: в дистиллированной воде живая рыба подыхает, не живет она и в рапе, в насыщенном растворе солей, что образовался в известном заливе Каспийского моря, Кара-Баз-Голе и в «Мертвом море», в Израиле.

«Все идеалисты, без достаточных на то оснований, полагают, что дело, которому они так бескорыстно и самозабвенно служат, существенно лучше, чем все другие дела в мире, иначе, чтобы осталось от их идеалов? Вряд ли они поверят,

что если их дело возьмёт верх, а семена дадут всходы и расцветут, то они будут вынуждены вносить в виде необходимой подкормки, всё тот же дурно пахнувший "навоз", который нужен и всем иным человеческим начинаниям. Такова природа «этой земли, этого неба и, этого человека».

Как философ вы должны знать, что, убирая противоположность, любую, вы тем самым обездвигиваете самоё мысль. Нельзя и шагу ступить, чтобы не оттолкнуться от чего-либо. Если из христианства убрать понятие Сатаны, оно рухнет и рассыплется, так как исчезнет деятельная противоположность Господу. Тогда станет: «другая земля, другое небо, другой человек». Другая, «безопорная» философия бытия. Этого не понимают те, кто хотел бы стерильного общества, в котором фертом стоит и властвует один, единственный «изм». Весь двадцатый век и начало двадцать первого века являются иллюстрацией к тезису о переходе идеи через свой абсолют к противоположности.

Как только исчез Советский Союз, иначе сказать – исчезла абсолютная противоположность либерализму, так сразу же благородный рыцарь Ланцелот превратился в мирового дракона. И этот дракон, тотчас, стал наводить свой порядок в мире, руководствуясь исключительно благими намерениями. Это превращение добра во зло и наоборот через переход абсолюта происходит на всех уровнях, как только теряется противоположность. Такова непоколебимая данность этого мира и этого человека.

Человечество и единичный человек, всегда стремится к свободе, но чем полнее реализуется это желание, тем в

большую несвободу он попадает. Исторически, только меняется качественный уровень этой несвободы.

Точно так же, как, к примеру, качественно изменилось следственное дело и исполнение наказаний в уголовных и политических процессах со времен написания инструкции: «Обряд, како обвиненный пытается», изданный при Петре Первом. Но и Петр всего лишь перевел на новый качественный уровень это дело. Он унифицировал этот процесс. Отныне никакой палаческой самодеятельности не должно быть.

Обвиненный, но оправданный под пыткой, уже обрел право обжаловать следственные действия, чего до Петра не было. Обжаловать, разумеется, если оставался живым, и имел возможность обжаловать. Потому как, дать право далеко не значит дать возможность использовать это право.

Человечество от древнейших времен до сего дня, становится все более и более лицемерным, и в этом суть и смысл цивилизованной несвободы, её эволюции. И её отличие от дикарской, не цивилизованной несвободы, в которой слово, намерение и дело, одно и то же.

Теперь насчет Карла Маркса и «кражи прибавочной стоимости». Разумеется, европейская цивилизация далеко ушла вперед от примитивных видов «кражи прибавочной стоимости».

Так медиаиндустрия, в союзе с полигтехнологиями, далеко ушла от древних магических обрядов, настраивавших племя, орду, род и т.д. на решение какой-либо общественной задачи. Салон со своей демократией тут отдыхает!

Но согласитесь, сколь бы изощренной ни была кража или

обработка общественного сознания, от этого кража не перестает быть кражей, а «промывка мозгов – промывкой»? Вопрос чисто риторический: а возможно ли общество, в котором нет узаконенной кражи и нет идеологической машины?

Маркс описывает различия этой «кражи» в азиатских и европейских цивилизациях. К этому различию мы еще вернемся, когда поведем разговор о двух, наиболее ярких противоположностях; коммунизме и либерализме.

Что такое капитал, как не отложенный и накопленный продукт труда, выраженный в денежном эквиваленте? Смешно было бы оспаривать необходимость скопидомства, как противоположности расточительству. Тот, кто это оспорит, тот не только не философ, но у него и со здравым умом не полный порядок. Лесная белка и та заготавливает на зиму орехи и грибы.

Дело не в капитале, а совершенно в другом, и это - «другое» было понято еще древними народами. Все дело в доле капитала, в конечном, потребительском продукте. Что ценнее, живой труд, или вложенный в дело капитал?

С библейских времен «божеская доля» капитала ровнялась 10%. Основоположник либеральной рыночной системы Адам Смит писал: *«Норма прибыли (на вложенный капитал - авт.) по природе вещей низка в богатых странах и высока в бедных, а наиболее высока она в тех странах, которые быстрее всего идут к разорению и гибели».*

Это и понятно, «кровопийство капитала» истощает главный ресурс любого общества – человеческий.

Проблема не в том, что у нас в России появились

миллиардеры, а в том, что произошло это, по историческим меркам, в мгновение ока! Отсюда вечное проклятие нелегитимности собственности и капитала тяготеет над нами. Не нужно быть большим философом или экономистом, чтобы понять, насколько чудовищно велика была кража труда в девяностые годы и эта кража, судя по процентным ставкам кредита, продолжается.

Вы хорошо сказали о сущности либерализма, тут и возражать нечего, это так: *«Сущность состоит в признании приоритета прав и свобод конкретного человека, перед интересами государства и коллектива»*. Но вот вопрос, а каков изнутри этот человек, который имеет такие права?

Дело ведь не в том, чтобы продекларировать некую идею, некий социальный проект, дело как всегда в такой «мелочи», а из каких материалов строить это здание? Кто прораб, кто строитель? Одному барону Мюнхгаузену удалось опровергнуть Ньютона и вытащить самого себя за волосы, да еще вместе с лошастью. Для таких «подвигов» всегда должна быть внешняя опора у человека и опора вполне земная, даже в том случае, если опирается он на авторитет самого Бога.

Вот уже два тысячелетия существуют заповеди Христовы, ну и что? Были похожие «заповеди» коммунистов и всё, исключительно всё рассыпается в прах, когда идея сталкивается не с конкретным человеком, тут-то как раз полный порядок, он либо следует этим заповедям, либо нет! Дело в другом – в сообществе людей, где каждый решает сам за себя! Но ведь и это не всё! При кажущейся личной свободе культура накладывает рамки на эту личную свободу.

Вот почему не получается в Японии такой же в точности

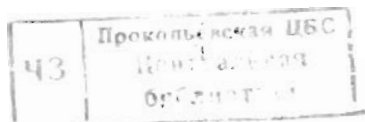
либерализм, в широком смысле этого слова, какой есть в США. Между тем тенденция к сведению разнообразия человеческих форм общежития, экономик, морали и нравственности к некому стандарту, к некой идеальной схеме, на лицо. Это заставило меня говорить и писать о «Новом Вавилоне».

Общественное сознание воспринимает эту метафору, как некий бардак, хаос, а на самом деле Вавилон – это предельное единство взглядов, идеологии, древней экономической мощи, без которой невозможен был бы проект «башни высотой до небес». Хаос и бардак наступил после.

Вы – философ и потому знаете работы К.Н.Леонтьева. Исключительно для читателей напомним: исходная точка его исторических и политических взглядов заключается в идее трех фаз, через которые проходит всякое развитие, как едва видимой былинки, растущей в поле, так и человека, народов, наконец, тел небесных. От первоначальной простоты к последующей цветущей сложности; вторичного упрощительного смещения. Мысль сама по себе не нова, что-то вроде юности, взрослости и старости. Недаром говорят, что «старика впадают в детство».

Историк Гумилев усложняет эту триаду в своей теории этногенеза. Опять-таки, исходя из общих соображений («принцип дополнительности»), не может быть, какой-то одной, единственной теории, объясняющей природу человеческого общежития. Все они описывают какую-то грань в многограннике, под названием человечество.

Я бы хотел остановиться на одном образном сравнении. Леонтьев говорит о поле «не культурном» и поле

6628299

«культурном». Не окультуренное поле, есть поле, на котором растет все, что угодно по природе своей. А поле «культурное» - это поле, засеянное специально, скажем, пшеницей. Леонтьев сравнивает их по устойчивости к внешним воздействиям и по экономической ценности.

Очевидно, что «не культурное» поле намного устойчивее к внешним воздействиям, чем поле окультуренное. Устойчивее за счет разнообразия на нем растений. Так же очевидно, что экономически выгоднее поле окультуренное. Совершенно не сложно прийти к обобщающему выводу, что мировая интеграция и разделение труда, сведение культурного, экономического, политического, социального разнообразия к единому, делает весь мир неустойчивым к внешним воздействиям. Вместе с тем, экономическая выгода властно подталкивает к интеграции и к схождению всего разнообразия культур к одной-единственной.

Грядущая всесокрушающая победа либеральных идей и ценностей, повсеместное истребление любой её противоположности, приведет к неустойчивости всей системы. Вавилон пал на пике своего могущества, как падали и будут падать все империи после него, на каких бы «измах» они ни стояли.

По сути дела, человечество представляет собой некую усеченную пирамиду, острием направленную вниз. Вниз – это в ресурсы земли и околоземного пространства. Очевидно, что эти ресурсы некая константа, тогда как основание пирамиды все время увеличивается и дело тут не столько в численности людей, сколько в понимании ими целей и ценностей жизни. Скорость возрастания потребления единичным человек этих

ресурсов растет по экспоненте!

Говоря простецки, если мы все и враз захотим на обед пельмени, и только пельмени, то их сметут с прилавков, и окажется дефицит того, что нам всем позарез необходимо. Еще проще: если бы все парни любили только и исключительно блондинок, то поножовщины не избежать. И еще нагляднее, если у всех людей на земле появятся «Вольво», то, насколько времени хватит нефти, и какова будет цена на бензин и солянку?

Мне думается, что с этого места нам нужно вернуться опять к Марксу, и именно к той части его работ, которая определяет суть азиатской и европейской цивилизации. Без этого нам не понять глубинной разницы между двумя «измами»: коммунизмом и либерализмом.

«Азиатский способ производства, - говорит Маркс, - возникает как обеспеченное военным путём господство одной общины (выступающей как «царский род») над другими. (Революционная партия? – автор.) Основными производственными отношениями является внеэкономическое принуждение или отношение эксплуатации в своём «чистом», исходном виде. Причем первичным, неразложимым далее объектом эксплуатации выступают целостные общины, «эти маленькие, стереотипные формы социального организма», а не отдельные индивиды».

В таких обществах коллективное наказание – правовая норма! Азиатские или патриархальные общества жестко регламентируют поведение людей. Здесь и именно в этом, корни коммунистических отношений в их чистом, незамутненном виде. Общинное общежитие, требует

подчинения интересам рода, племени, отдельного человека. Да, да! «Жила бы страна родная, и нету иных забот»!

Именно здесь, в этой психологической особенности, духовном настрое «азиатского человека», нужно искать корни того, что нынче принято называть – «международным терроризмом». Отсюда, поражающая либерального человека, жертвенность и почти, ритуально-мистическая жестокость по отношению к врагу. В этом, духовном настрое следует искать корни высокой плодовитости женщин у народов, не заглотавших полной грудью либеральных ценностей.

В переходных формах, от азиатской культуры, к культуре либеральной (в химерах) экономической единицей является семья. За проступки члена семьи, так или иначе, наказывается вся семья. Нужны ли примеры?

В противоположность азиатскому способу эксплуатации («кражи труда»), европейская цивилизация «обкрадывает» только индивида. Либерализм разрывает не только семью на самостоятельные экономические, правовые и политические субъекты, но и отчуждает детей от родителей. («Права ребенка»)

Либерализм, доведенный до своей логической совершенности, рассыпает сообщество людей на отдельные, ничем друг другу не обязанные атомы. В либерализме есть единственный Бог – это человеческий закон и страх перед неизбежностью наказания. Совесть здесь безгласна или находится на правах нишенки у порога богатого дома. Особенностью человеческих законов, их сутью, является целесообразность, за которой торчат уши обычной выгоды. Но то, что выгодно одной группе населения, не может быть

выгодно другой. По природе своей, любая выгода, есть присвоение чужого, или же ожидаемое присвоение. (Стратегия отложенной цели.)

Такие понятия, как мораль и нравственность, не то, чтобы не учитываются либерализмом, или отвергаются – они являются полезными, или бесполезными настолько, насколько способствуют получению выгоды для «истинных хозяев жизни». Религиозность, к примеру: полезна. Она умиротворяет человека, делает его покладистым, управляемым. Особенно в таких формах, когда религиозное отношение к власти заключается в декларации: «всякая власть от Бога».

Нравственное евангелие либерализма, его духовную суть хорошо выразил Штирнер Макс. (Иоган Каспар Шмидт 1806-1856) немецкий писатель, философ: *«И если бы что-нибудь было несправедливо по отношению ко всему миру, а по отношению ко мне справедливо, то я не считался бы с миром. (...) Я вывожу всякое право и всякое правомочие из себя. Я имею право на все, что в моих силах. Я имею право изгнать Зевса, Иегову, Бога и т.д., если я могу это сделать. (...) Там, где мир становится на моем пути, я пожирю его, чтобы утолить голод моего эгоизма».*

Нобелевский лауреат Н. Винер, основатель такой науки, как кибернетика, хорошо сказал о другой стороне либерализма, экономической: *«Во многих странах распространено мнение, признанное в США догматом, что свободная конкуренция сама является гомеостатическим процессом, то есть, что на вольном рынке эгоизм торговцев, каждый из которых стремится продать как можно дороже и купить*

как можно дешевле, в конце концов приведет к устойчивой динамике цен и будет способствовать достижению наивысшего общего благосостояния. (...) К сожалению, факты говорят против этой простодушной теории. Рынок - это игра, находящее своё подобие в семейной игре в «монополию». (...) Даже при двух партнерах теория игры сложная, но при трех игроках во многих случаях, а при многих игроках в подавляющем большинстве случаев, результат игры характеризуется крайней неопределенностью и неустойчивостью. Побуждаемые своей собственной алчностью, отдельные игроки образуют коалиции, но эти коалиции обычно не устанавливаются каким-нибудь определенным образом и кончаются столпотворением измен, обманов и предательств. Награда достается самому наглому и беспринципному, поскольку он-то первым нарушит договоренности и сорвет куш.

О том же пишет Дж.Сорос в своей работе «Алхимия финансов».

Так что, уважаемый кандидат философский наук, господин Дмитрий Манаков, действительно, «не стоит выборочно обращаться с фактами», тем более, что многое из этих фактов уже осмыслено прежде нас.

Что же касается «бремена свободы» и того, как это бремя действует на человеческую душу, на его психику, хорошо сказано у писателя Буковского:

«Не знаю, быть может, в начале века Америка была «страной свободы», но слушать сегодня эти слова без смеха невозможно, – говорит писатель в книге «Московский процесс». - Трудно представить себе нацию, более

порабощенную любой, самой идиотской модой, любой горсткой ничтожнейших шарлатанов, эту моду придумавших. В конечном итоге - своей погоней за успехом. Да ведь и успех, понимаемый столь трехмерно, вневременно, может быть лишь сугубо материальным, не выходящим за рамки известной русской присказки: «Лучше быть здоровым, но богатым, чем бедным, но больным».

Удивляться ли, что при всей этой погоне за счастьем американцы в массе своей - люди глубоко несчастные, не удовлетворенные своей судьбой, часто осажденные проблемами, которые они сами же и создают, бесконечно «ищущие самих себя» и ничего не находящих. Отсюда и процветание всяческих «гуру», психоаналитиков, сект и прочих спасителей людей от самих себя, без которых не может обойтись, кажется, добрая треть американского населения. Порою создается впечатление, что американцы, будучи не способны вынести бремя свободы, просто ищут, кому бы отдаться в рабство».

Закljučая эти «записки», должен сказать нечто позитивное, иначе меня не поймут, хотя я не верю ни в какой позитив, но это тема отдельная. Скажу банальное; чтобы выжить русскому суперэтносу в этом предельно жестоком мире, он должен суметь взять из мировой истории самое лучшее и творчески переработать в себе. Творчески — это значит остаться русскими! Как это сделать и, главное, способны ли мы на это — не знаю! Слишком много «развилочек» на этом «древе познания Добра и Зла.

Примечание: 1. **Кандидат философских наук,** доцент
Манаков Дмитрий Александрович. ФГОУ ВПО
«Кемеровский институт (филиал) Российского
государственного торгово-экономического университета».

ЛОЖЬ И ПРАВДА КУЛЬТУРЫ

Франция – сердце Европы, а где лежит сердце, там и центр желаний, центр влечений и боли. История Франции – это история западной культуры, корнями своими уходящая в Древний Рим и еще глубже – в Древнюю Грецию.

Именно здесь, в сердце Европы, повинувшись желаниям и влечениям человека, возникло то, что принято называть Эпохой Возрождения. Что же возрождалось в Европе? Если говорить коротко, то возрождался статус и дух античного человека с его самодостаточностью и волей к лучшему. В католических аббатствах и монастырях «ковалось новое евангелие», провозглашающее главенство мышления над чувствами, разума над сердцем. Бога пытались понять путем рассуждений, а не как раньше – чувственно, через переживание своего ничтожества.

И вот парадокс, чем изощренней становилась мысль человеческая, тем дальше уводила она мыслителя от Бога.

Второй парадокс: чем яростнее боролась католическая церковь с ересями, чем жарче пылали костры инквизиций, тем больше в Европе появлялось еретиков. В конечном результате Европа провозгласила Богом человека. Того самого человека, которого только что сжигала на кострах и мучила в пыточных застенках. Человека, не сумевшего сколь-

нибудь внятно ответить на вопрос: кто он такой и зачем пришел в этот мир?

И прав был Ницше, воскликнувший: «Бог умер»! Бог Павла, Петра и Иакова действительно умер в душах европейского возрожденческого человека.

Не Христос – богочеловек, а человекобог – это и есть гуманистический принцип, его Альфа и Омега. Вся последующая культура Центральной Европы выростала из этого корня. Семена этого дерева разносились по странам и континентам, заражая умы и сердца людей гуманистическими принципами. Европейская политика – есть плод этого дерева и инструмент экспансии гуманизма.

Мы все время слышим из уст западных политиков, что их миссия заключается в том, чтобы нести в мир гуманистические принципы. То есть проповедовать, а где и силой насаждать новое евангелие – евангелие от человека.

Однако оказалось, что гуманистический человек, лишенный истинного Бога, не в состоянии ответить на очень важные вопросы, в том числе и на вопрос о смысле жизни.

Вот почему европейская литература, в массе своей, старательно избегает важнейших, фундаментальнейших вопросов, отдавая их на произвол личности. Думай, что хочешь, и действуй, как думается!

Европейская литература – есть литература, по преимуществу, развлечения и отвлечения от тревожных вопросов. Литература фантастических суперменов и выдуманных глобальных катастроф. И вот что закономерно – литературно-киношные страхи и страсти обретают плоть и кровь реальной жизни. Это закономерно потому, что дух творит для себя

материальные формы.

Русская литература, которая восприняла эстетические, но не этические принципы европейской литературы, напротив искала фундаментальные вопросы и пыталась их разрешить.

Нынче гуманистическая культура Запада, исполняя свой мессианский долг, пытается разрушить нравственное основание русской литературы, доказывая, что призвание литератора развлекать и отвлекать человека от тревожных вопросов. Искусство вообще призвано дать ему отдохновение, погрузить человека в своеобразный эстетический наркоз и постоянно держать его в этом состоянии.

Между тем в недрах самой европейской литературы в принципе было доказано, что любые фундаментальные вопросы бытия, разрешаемые в рамках гуманизма, приводят к отчаянию. Философия отчаяния – вот магистральный путь жизни европейского человека, если лишить его эстетического наркотика. Как только европейский человек просыпается - он тут же впадает в отчаяние. В философии отчаяния бьется европейский литератор, из которого культура вещей еще не выбила способность заглядывать в глубины своей души.

Поскольку Франция, как я уже говорил – сердце Европы, то небезынтересно было бы проследить этот путь отчаяния на примере двух нобелевских лауреатов по литературе, бельгийца Мориса Метерлинка, писавшего на французском языке, и француза Албера Камю.

* * *

Морис Метерлинка известен русскому культурному человеку как автор драматической феерии «Синяя птица». Метерлинка

всегда стремился к центральной тайне мира. А тайна мира одна – человек. Он непрестанно к ней приближался, а она непрестанно удалялась от него. *«Таинственная душа реальности, эта чудесная сияя птица, каждый раз выпархивала из гнезда, когда Метерлинк к ней приближался»*, - пишет сербский священник Иустин Попович.

Разве не очевидно, что счастье, понимаемое как нечто такое, чем человек обладает – недолговечно. Оно, как и свобода, ограниченная законами, все время пытается вырваться из этой клетки.

Поэтому вполне закономерно, что феерия Метерлинка «Синяя птица» заканчивается отчаянием.

«Девочка (в отчаянии). Бабушка!.. Она улетела!.. (Рыдает)».

И какое же утешение находит бабушка Тильтиль для девочки? Она обращается в зал, то есть к миру: *«Мы вас просим: если кто-нибудь из вас её найдет, то пусть принесет нам – она пужна нам для того, чтобы стать счастливыми в будущем».*

В настоящем можно обойтись и тем, что имеешь, то есть суммой несчастий. Но и в будущем, если опять найдут «синюю птицу» и посадят её в клетку, то совершенно не исключено, наоборот – это обусловлено самой природой счастья – одно неосторожное действие и она улетит. А вся история человека и, естественно, человечества сложна из «неосторожных движений».

Нужно сказать прямо, что любая человеческая жизнь без веры в Бога заканчивается отчаянием, вызванным потерей того, что человек больше всего ценит. А ценит он больше всего жизнь, и жизнь, способную потреблять все мыслимые и немыслимые

блага, на которые только способна изощренная человеческая природа.

Жизнь - это расставание с самим собой, потому что старение и есть растрата себя по частям. К тому же это всегда потеря близких людей. Словом, куда ни погляди, а жизнь вся соткана из потерь. Потери - это закономерность жизни, по сути дела - это и есть сама жизнь. Всё, что человек ни скопил, будь то знания и умение в себе самом, пусть предметы и вещи вне него - все поглотит неумолимое время.

И всё бы ничего, если бы не просыпалась в сердце человеческом его бессмертная часть - дух, если бы он вечно спал убаюканный искусством грез. Ах, если бы он не просыпался и явственно не свидетельствовал сознанию о конечности бытия человека. Да и что такое сознание? Откуда оно, и что в нём такого, что оно способно повергнуть человека в ужас отчаяния?

Метерлинк весь в этом вопросе. *«Сознание, - говорит он, - которым мы столь горды, в котором наше все, без которого бессмертие для нас было бы равнозначно смерти, что оно есть в своей сущности? Может быть, это вид некоей непроницаемой перепонки, новая ткань, паразит нашего мозга, который нас навсегда отделяет от остального универсума? Самый роковой дар нам, который для нас закрывает реальность всего существующего, разве не наше сознание?»*

И на самом деле сознание глушит и подавляет голос сердца. Быть рациональным в своем пределе означает быть равнодушным. Спокойным, как камень, и выдержанным до состояния укуса вином. Чем тверже человек, чем больше в

нем здраворассудочности, иначе сказать – практицизма, тем меньше в нем чувственности, меньше в нём непосредственного восприятия мира.

Сознание глухой стеной встает между человеком и миром, миром в большей своей части невидимым и неслышимым, а только ощущаемым сердцем. Как нынче говорят – интуицией. Это сердечное знание, то на чем стоит христианство, было подвергнуто ревизии в самом же христианстве, точнее в его западной ветви. Ревизор – сознание, то есть то, что и есть человек, а инструмент сознания – мышление.

«То, что мы называем сознанием, человеческим сознанием, - продолжает Метерлинк, - хотя бы и возведенное до крайней степени силы и совершенства, всегда весьма ограничено, весьма сильно сужено, сведено к одному кругу, неясно освещенному, почти никогда не выходящему за рамки наших повседневных, малых переживаний».

Действительно все наше знание, которым мы так гордимся, есть освещенный мышлением кружок, пятно света в беспредельном мраке, который, по уверениям Дионисия Ареопагита: *«светит в самой мрачной тьме, превосходя всякую ясность и, оставаясь во всяческой непропицаемости и незримости, преисполняет прекраснейшим блеском умы, плененные очами».*

Вот это-то очевидное и есть плен, ловушка, расставленная нам мышлением. Человек видит лишь пятно света и думает, что видит весь мир таким, как он есть на самом деле. Но даже простые соображения свидетельствуют о том, что нет ничего более обманчивого, чем наше зрение. Я уже не говорю о миражах – это общеизвестно, но то, что в огромном диапазоне

электромагнитных волн – зрение всего лишь узкая щель, в которую высунулся наш мозг со своим мышлением, и это не осознанно и не прочувствовано нами.

«Истинный путь человека, - утверждает Дионисий Ареопагит, - проходит через свободное, абсолютное и чистое отрешение от себя и от всех вещей». И далее: «... к настоящему сверхъестественному лучу божественного мрака, отбросив все и свободный от всех.

Но разве мыслимо это для европейского человека отрешиться от всех вещей? Да ни в жизнь! Все в нём восстает и бунтует против этой идеи. В клочки разорвут любого, кто покусится на его вещи.

Гуманизм настаивает на любви к человеку и в первую очередь на любви к его влечениям.

- Мне нравится! Мне интересно! – вот что движет человеком. Это находит благодарный отклик в душе человеческой, всегда склонной пожалеть себя и обвинить кого угодно в своих несчастиях. Потакать человеку в его слабостях, в его склонностях – вот путь гуманизма и его магистральная линия. Ведь и детей нынешняя власть повелевает воспитывать на потачках!

Почитайте наставления «евангелистов» нового человека, хотя бы Карнеги, чтобы уяснить явную противоположность в постижении мрака и человека в нём между христианским пониманием и гуманистическим.

Гуманизм настаивает на самостоянии человека, настаивает на опоре в самого себя перед прыжком в будущее. Какие слова чаще всего мы слышим из уст нынешних верховных правителей России, обращенных к молодежи?

Конкурентоспособность, лидерство и успешность. Но если есть лидер, то и есть ведомые (пасомые) им! Если есть успешный, то и есть неуспешные люди. Вместо синергии людей мы приходим к разделению, зависти и злобе. Вместо сострадания – жестокость, и что же – вся эта успешность всё это лидерство, только для того, чтобы иметь больше вещей и власти!

Христианство ищет опору в Боге, перед таким же прыжком в будущее, потому как понимает, что нет ничего более ненадежного, более зыбкого и более слабого, чем человек. Гуманизм строит социальный и политический мир на зыбкой почве человеческих желаний и хотений, и потому его то и дело сотрясают разные революции и войны. И будут сотрясать впредь! Мировая история не остановилась на 20 веке, и покуда есть человек с его страстями – она продолжится, и политическая карта мира будет менять своё, как правило, окровавленное лицо постоянно.

Это понимает Метерлинк, но предпочитает не слышать голоса христианства: *«Если бы человек был одарен менее боязливой разумностью, человечество давно перестало бы существовать, ведь, вероятно, оно не приняло бы жизнь такой, какой она нам навязана».*

Кем навязана? Зачем навязана? Опять же вопросы и не менее мучительные, чем вопрос о смысле и цели жизни.

Христианство отвечает на этот вопрос однозначно – навязана такая жизнь свободной волей человека, его выбором от сердечного знания в пользу знания помысленного, если хотите – измышленного.

Мышление взяло верх над сердцем и подмяло его под себя. За

это человек расплачивается вопросами, приводящими его в отчаяние. У верующего в Бога человека таких вопросов не возникает.

Но Метерлинк прав в том, что последовательное мышление мужественного человека непременно приведет к отчаянию и самоубийству. Обезбоженному сознанию человеческому, к тому же очищенному от иллюзий, нечего делать в этом мире. И тут-то мы подходим к главной тайне западной культуры. Эта тайна на самом деле лежит на поверхности. Если подумать хорошенько, то вся современная культура призвана только к одному – ни на минуту не оставлять человека наедине с самим собой. В нашей культуре сидит панический страх перед роденовским человеком, потому что в этом уединенном состоянии можно утонуть в себе самом или же, преобразившись, отринуть от себя современную культуру с криками: «Изыди сатана!!»

Ведь и на самом деле должна же быть какая-то определенность в отношении служащего культуре и служащего Богу-Христу к главным вопросам Бытия. Православие в лице своих святых подвижников однозначно называет культуру – сатанинским делом. Хотя бы по этимологии этого слова – культ, то есть вера во что-то. Разумеется, не всю культуру, но от этого не легче, потому как вероятнее всего именно я (ты, он, она) и есть тот, кто служит не Богу, а сатане, пусть и, не ведая этого.

Вместо просвещения средства массовой информации несут ложь развлечений, точнее – отвлечений от реальной, подлинной жизни, заменяя её киношно-телевизионными суррогатами, литературными фантазиями на тему жизни;

жуткими и мелодраматическими, но всегда завлекательными, эстетическими по форме.

Самоубийственно для современной гуманистической культуры оставить человека наедине с самим собой, и потому она так пристально, так ревностно следит за тем, чтобы сознание человека всегда было занято пережевыванием очередной «культурной жвачки».

Как пишет тот же Иустин Попович: *«Гуманизм только расцарапал кожу человеческого существа, и из каждой поры заревело по чудовищу. Все вулканические жерла дышат, хрипя и тряся землю. Возле них обитают футуристы, декаденты, анархисты, нигилисты, сатанисты и жадно пишут, по складам слагая летопись апокалиптической эпохи человека. И не стыдятся никаких гадостей, ибо символ апокалиптической эпохи – обнажение всех гадостей, всех мерзостей, всех ужасов. Право на эту смелость дает им их отец – гуманизм, так как они суть порождения его».*

Вглядитесь пристальнее в мир, и вы увидите, как в нём возрождается язычество, суеверия и околонуточный бред. Толпы людей следуют за кумирами. Поклоняются даже такому прекрасному художнику как Николай Рерих, и из этого сделали религию.

Из шизофренического бреда Елены Блаватской, изрядно сдобренного мистификациями, по свидетельству писателя Соловьева («Разоблаченная Изид») так же создали религиозный культ. Нынче нет числа этим культам и культикам. Возьмите дианетику Хаббарда, или секту Муна, Церковь объединения и так далее. Мир погружается в новый мрак, куда круче и темнее мрака средневекового.

* * *

Следующий нобелевский лауреат, поднявший эстафету отчаяния Мориса Метерлинка, был Альбер Камю и он так же не нашел смысла жизни. Отчаявшись в своих поисках, Камю утверждает, что *«смысл вовсе не обязателен: пожалуй, жить тем лучше, чем меньше жизнь наполнена смыслом»*.

Трудно ведь отрицать, что погоня за благами не может быть смыслом жизни, и потому лучше и вовсе лишить жизнь всяческого смысла, *«любить саму жизнь больше, чем смысл её»*, - говорит Камю.

Но что такое любить жизнь, не осмысляя её сути? Как забытья, или точнее – как вырвать из себя жало вечных вопросов?

О, эта проблема, если её допустить до сознания, способна довести человека до самоубийства, или до святости. Не может человек жить спокойно, сознавая, что он смертен, и самое главное – внезапно смертен! Ведь с какой бы стороны ни поглядел человек на жизнь, он везде встречает либо смерть, или её предтечу, или хранителей, а сейчас уже и пропагандистов смерти.

Литератору нужно помнить, что слово, есть жизнь, потому что у смерти нет языка, нет слова. Она всегда молчит. Слово является отдушиной, в которую выплескивается мука жизни.

В этом суть и смысл подлинной литературы, литературы отрицающей гуманистические ценности на том основании, что они усыпляют, наркотизируют человека и, в конечном счете, сужают его бесконечную сущность до конечных величин, охватываемых мышлением.

Я уже говорил о том, что против русской, по преимуществу

духовной литературы, восстает современное общество, развращенное гуманизмом, и в книжно-журнальном потоке все меньше и меньше литературы сердца, а все больше и больше литературы, потакающей человеку в его низменных, животных чувствах.

Что же остается безбожному, точнее – бессердечному человеку? Ничего кроме бунта. По крайней мере, на этом настаивает Камю: *«Благороден не бунт сам по себе, а выдвигаемые им требования, даже если итогом бунта окажется низость»*.

Требования, как видим, повисли между небом и землей. На земле – низость, а на небесах – требования. Однако же известно, что благими намерениями дорога в ад выстлана, так что и на небесах ничего не остается от благородства требований, потому что первым бунтовщиком, как известно, был Люцифер.

РУССКИЙ ВОПРОС

Отчего так болезненно и настороженно нынешние власти относятся к национальным движениям русских, тогда как благосклонно взирают на образование национально-культурных объединений других народов? Потребность в обособлении себя в массе других, не может происходить без осознания собственной исключительности, собственной самодостаточности.

"Человек входит в человечество через национальную индивидуальность. Национальный человек - больше, а не меньше чем просто человек, в нем есть родовые черты человека вообще и еще есть черты индивидуальности"

национальные" - говорил Н.Бердяев.

Вне национального сознания - нет человека, или оно должно быть замешено чем-либо, например: чувством принадлежности не к великой нации, а к великому государству. Типичный пример – Америка, где национальное самосознание полностью поглощено государством.

Русский народ на протяжении всей своей истории выступал клеем для родоплеменных образований.

Отчего же русским не позволительно испытывать национальную исключительность, определять строй и уклад жизни, а другим можно? Дело в том, что русские, в строгом смысле, не являются нацией - это совокупность людей, несущих особую историческую миссию, её можно назвать миссией "склеивания" многонационального общества в некое наднациональное единство. Русские больше чем нация и больше чем государство в его формальной сущности, как аппарат бюрократии. Истоки этого "мессианства" уходят в дохристианские времена, отмеченные в летописи словами: "Приходите и владейте нами, земля наша богата и обильна, а порядка нет".

Варяги пришли и создали аристократию русского общества, заложили её культурный код, в котором и коренится чувство глобальной исторической ответственности. Это основной ствол русского дерева! На этом стволе православие привило побегу совестливости и нестяжательство.

Вот это - "нестяжательство" и было той самой "разрыв-травой", которая разрывала сердца русских капиталистов, и породило уникальное в истории человеческой цивилизации явление - массовое меценатство.

Национальное обособление - есть "отвердевание" национального сознания и "свертывание" его интересов на самоё себя. То, что само "отвердело", не может "склеивать" другие, национальные культуры. Обособившая в себе и осознавшая себя национальная культура, в силу своего обособления, отталкивает другие культуры, чтобы сохранить свою целостность и самобытность.

Неосознанно этого боятся все остальные национальные меньшинства в России - не будет "клея", и тогда им придется встретиться с экспансией других культур, что называется, в живую. Говоря простецки – они передерутся между собой, деля общее русское наследство!

Попытаться подчинить межнациональные отношения рациональным рассуждениям, тем более законам, значит возложить на разум задачу божественного рода.

"Природа национальности непреодолима никакими рациональными рассуждениями, поскольку корни её расположены в духовной области, где властвуют эмоции". (Н.Бердяев.)

В конце этого года все громче и громче с властных амвонов звучат призывы к борьбе с национальным экстремизмом, но борьба, любая борьба, возможна только тогда, когда существует противник. Чем выше и всеохватнее масштабы борьбы, тем грознее и мощнее противник. И на самом деле, если нет объекта борьбы, то с кем бороться?

Как тут не вспомнить предостережение: "Не буди лихо, пока спит тихо!"

Бороться с двумя третями населения России - значит не только создать искусственно когорту мучеников за "русское

дело", но и увеличить число радикально настроенных людей, по большей части молодых, и тем самым заложить в будущем, еще большие противоречия, грозящие катастрофой. Если уж говорить на чистоту, то весь сыр-бор разгорается вокруг еврейского вопроса – вопроса, кому реально принадлежит власть в России?

Как бы ни хотелось уйти от него, замолчать, или подменить фальшивой идеей о русском фашизме, антисемитизме - он все равно будет всплывать в сознании и не только у русских. Помимо памяти разума, есть память сердца, память исторического пути народа, и, как в любой генетической памяти или наследственности, есть гены исторической болезни, у русских это неприятие иудаизма, у евреев - сионизм. Конечно, экономический кризис, грандиозные масштабы государственного воровства, коррупции только подогревают этот вопрос, придают ему остроту и агрессивность, но будь все благополучно, он не исчезнет окончательно - он в генах! Сионизм и антииудаизм – это исторический крест евреев и русских, и он вечен! И на самом деле, евреи никогда не откажутся от своей мечты о государственности, о царстве Давидовом, а православные на бытовом, разумеется, уровне никогда им не простят распятие Иисуса.

"Культура никогда не была и никогда не будет отвлеченно-человеческой, она всегда конкретно-человеческая, то есть национальная, индивидуально-народная и лишь в таком своем качестве восходящая до общечеловечности!"
(Н.Бердяев.)

И совершенно неважно, что кавказские народы носят особые

кепки, а среднеазиатские тубетейки, а русским приспичило носить на рукавах древний славянский крест. Внешний облик только подчеркивает внутреннюю потребность выделиться из среды народов, обозначить свою принадлежность к нему, свою родовую память.

Видимо, история человечества подходит к той стадии, когда многонациональные государства должны распасться на свои составляющие, а затем в "жерновах" национальной борьбы перемолотся в "муку" из которой история "испечет" новые хлеба будущего Мирового государства, в которых национальное самосознание заменится государственным.

Это и будет "новый Вавилон", стоящий у фундамента своей башни и говорящий на одном, общем для всех языке, но это уже другая тема, выходящая за рамки русского вопроса.. 1999.г.

ФОКУСНИКИ

ИЛИ ИСТЕКАЮЩИЕ МУДРОСТЬЮ

В квадратных скобках даны примечания к тексту.

Александр Исаев в статье «Мораль с чужого плеча» («Физическая психология»), задается вопросом: *«Едва появившись на свет, человек начинает задавать себе вопросы. Как жить? Как вести себя в той или иной ситуации? С кого брать пример? Кого считать «своим»? И кого – «чужим»? С первых дней жизни человек пытается понять те «правила игры», которыми руководствуются окружающие».*

Ну, не едва появившись – это Вы, уважаемый хватили! Есть в жизни такой промежуток времени, когда ребенок таких

вопросов не задает. Когда для него нет ничего важнее и авторитетнее мамы и отца. И ребенок еще не человек, но он может им стать! Это архиважно понять! Иначе нас не только ювенальная полиция в гроб загонит, но и семьи как таковой не будет! А значит, не будет известной нам авраамической цивилизации.

Не претендуя, разумеется, на истину, поскольку истиной владеет только Бог, так как он и есть истина, попробуем разобраться хотя бы с начальными посылками Александра Исаева.

Первая посылка уже заключена в названии статьи «Мораль с чужого плеча», и предполагает наличие морали «со своего плеча», или же морали, проистекающей откуда-то еще.

Понятно, если мораль не «с твоего» и не с «моего плеча», то она, следовательно, с «плеча» некоего третьего лица. Так как и Я, и Ты относимся к роду человеческому, то, следовательно, мораль исходит не от человека, а есть третий источник морали.

Рассмотрим все источники. Поскольку речь идет о морали с «чужого плеча», с неё и начнем.

Что же это за «мораль с чужого плеча» в понимании автора? Очевидно, что это мораль, возникающая в обществе и оформленная в виде религиозно-мировоззренческих концепций. Вот на эту-то мораль и ополчается автор.

За что? Ну, прежде всего за то, что *«этические нормы, предлагаемые пророками, и те нормы, в которых нуждался народ, решали разные задачи»*.

Вообще-то в истории культур (Тайлор Э.Б. "Первобытные культуры" [1] приятно считать, что именно пророки и выражали чаяния народных масс. Но и пророчки пророкам рознь, ведь и Александра, провозглашающего нечто своё, можно назвать пророком [2]. но у **Александра Исаева** на этот счет иное мнение, только вот непонятно на чем основанное? Цитирую Исаева:

«Если первые нормы (этические! – авт.) были ориентированы преимущественно на обретение благодати, [3] - в земных

условиях (что в принципе можно достичь лишь в уединении, удалении от мирской жизни), - то вторые (это те, что народ выдвигал? - авт.) должны были помочь людям успешно существовать в миру».

Хотелось бы знать, что за этические нормы выдвигал народ? Когда и каким образом? На каких скрижалях или бересте эти нормы записаны? А потом через знакомство с этими нормами понять разницу между «предлагаемыми пророками» и народным творчеством!

Но я согласен с автором, что *«несмотря на всю важность вопроса, до настоящего времени человечество не может дать вразумительного объяснения»*, но только не *«на чем базируются многие общепринятые этические установки»*, об этом мы еще поговорим, а какая разница между моралью народной и моралью религиозной? Тут он, действительно, загадал загадку! Если, конечно, не принимать во внимание тот факт, что люди всегда и во все эпохи были религиозными, но в морально-нравственном отношении разнообразны.

Люди не похожи друг на друга куда больше, чем обезьяны не похожи на людей! Шкала морально-этического состояния человечества начинается от «двуногого без перьев», до святости, и выше - богочеловечности. Все авраамические религии более или менее общо трактуют и мораль, и этику в отличие от индивида, его-то может занести черт знает куда, в прямом и переносном смысле!

Мы хоть и родились в стране христианской, но собственной богословской мысли не знаем, книжек святоотеческих не читаем, поэтому путаем духовность и нравственность. Как утверждает профессор Московской духовной академии Осипов А.И. позиция православия в этом вопросе такова: *«Нравственность может быть бездуховной, но духовность не может быть без нравственности»*.

Из этого следует очень простой вывод о том, что нравственность не связана напрямую с религией, что и неверующий ни во что человек может являть собой образец нравственности! Хотя я с трудом могу себе представить

такого человека. К примеру, Александр Исаев, если судить по тексту крепко верует в Природу и, разумеется, в силы оккультные.

Итак, с моралью «чужого плеча» мне, по крайней мере, все ясно, - это мораль, выработанная человечеством от своего дикого состояния до нынешнего, посмотрим на мораль «со своего плеча». Какова же она?

Ответ на этот вопрос будет ошеломляющим. А никакой! Нет её своей-то морали?! Весь пафос статьи вылился в критику христианства и конкретно православия! Цитирую:

«Одним из наиболее ярких примеров такого бездумного следования букве заповедей является отношение к врагам у христиан, – говорит Исаев и поясняет: - Речь идет об известных непротивленческих заповедях Иисуса Христа: «не противься злему», «подставь другую щеку», «отдай последнюю рубашку», «любите врагов ваших». Такой же подход к врагам можно найти и у последователей Христа, например, Иоанна Кронштадского: «Люби врагов своих искренно», «Сохрани кроткое и миролюбивое расположение к брату даже тогда, когда он коварно или хитростью, или же как-либо ненамеренно лишает тебя последнего достояния. То есть налицо моральная система, исключаящая деление окружающих на «своих» и «чужих», базирующаяся на предположении, что все окружающие – братья и сестры априори».

Вот так рубанул с плеча и всех отцов христианской церкви зачислил в пацифисты! И невдомек ему, как российское воинство при таком то пацифизме, непротивлении злу насилием смогло удержать огромную территорию? Пример Сергея-Радонежского, благословившего русское воинство на битву с Мамаем – это не в счет? Откуда эта беспримерная стойкость русского солдата, отмеченная его врагами!? Почему такая близорукость? Да оттого, что исходный тезис оценки православия Александром Исаевым кроется далеко за пределами этой статьи, в других многочисленных его работах, прямо скажу – оккультного характера, [4]

Так что я поспешил с вынесением вердикта, что тут нет «морали со своего плеча» – она есть! Эта мораль «с его плеча»! Оккультно-мистическая, а прямо без обиняков говоря – сатанинская мораль, разделяющая людей на «своих» и «чужих». Там, где православная мораль видит человека больного [5], там мораль «со своего плеча» видит нелюдей! Нелюдей уничтожать надо, а уничтожать их будут люди, так получается, по этой морали «со своего плеча».

Теперь нам остается рассмотреть еще один источник морали, находящийся вне человека, если такой имеется.

Американский антрополог А. Кейт в трудах об эволюции человека пишет:

"Нужно признать, что условия, вызывающие войну, – разделения животных на социальные группы, «право» каждой группы на собственную территорию, развитие комплекса враждебности, направленного на защиту этих участков, – все это появилось на земле задолго до появления человека".

А человек, по представлению А. Кейта, несет в себе закрепленное в генах наследство в виде страсти к господству, собственности, оружию, убийствам, войнам.

Такова теория естественного эгоизма, на фундаменте которого выстроен либерализм и рыночная экономика, (Адам Смит)

И это верно! Верно, в той степени, в какой человек отодвинулся от Господа, насколько прочно его нынешнее убежище!

Но эта теория вступает в противоречие с фактами героизма и самоотвержения, с существованием героической верности своему долгу, стойкого чувства товарищества в самых тяжелых условиях.

Вот эта нестыковка теории эгоизма и случаи спонтанного немотивированного альтруизма подтверждает факт изначального, тварного состояния человека, которое просыпается иногда у некоторых людей в такие критические минуты и часы жизни! Иное, не сочувственное, не

альтруистическое, а эгоистическое поведение объясняется наследственной болезнью человека, берущей своё начало в первом акте свободной воли Адама, отодвинувшего его и следом все тварное (господин же был!) от Бога. Таково естественное эгоистическое состояние падшего человека, именно поэтому в мире торжествует никакая иная, а именно рыночная модель экономики!

Широкий разброс в человеческом многообразии морально-этического поведения определяется мерой приближения индивида к образу первоначального Адама, или Иисусу Христу.

Между тем этот божественный закон альтруизма, или всеобщей любви, против которой восстает Исаев, проявляется даже в сообществе животных!

«Уже у стадных животных этот тип альтруизма распространяется за пределы семьи, охватывает стаю, стадо – отсутствие чувства взаимопомощи у членов этого сообщества обрекает его на быстрые вымирание. Ведь у многих видов животных только стая, а не пара родителей, способна одновременно осуществлять сигнализацию об опасности, защиту детенышей и добывание для них пищи. Натуралист Евгений Марс, три года живший среди павианов в Африке, однажды подсмотрел, как леопард залег около тропы, по которой торопилось к спасительным пещерам запоздавшее стадо павианов – самцы, самки, малыши, словом, верная добыча. От стада отделились два самца, потихоньку взобрались на скалу над леопардом и разом прыгнули вниз. Один вцепился в горло леопарду, другой в спину. Задней лапой леопард вспорол брюхо первому и передними лапами переломил кости второму. Но за какие-то доли секунды до смерти клыки первого павиана сомкнулись на яремной вене леопарда, и на тот свет отправилась вся тройка. Конечно, оба павиана не могли не ощущать смертельную опасность. Но стадо они спасли». [6]

Опять-таки, разве этот механизм передачи любви, а шире – механизм наследственности взялся ниоткуда? Разве это не

является свойством, заложенным Господом в живую и даже в неживую природу? Теория синергетики, к примеру [7]).

На эту же тему можно прочитать А.В. Маркова «Эволюция кооперации и альтруизма: от бактерий до человека» [8]

Так что истоки этического поведения человека «отрабатывались» еще в ту звериноподобную бытность его, пока этого зверя не коснулась «рука бога» и он, этот зверь, не принял образ и подобие Бога!

Более того, Господь Бог есть любовь, следовательно, во всем тварном мире разлита эта божественная энергия любви и сострадания, а если альтруизма у какого-то человека нет, то значит он свободной волей своей отодвинулся от Бога в тьму оккультизма и прочих учений сатанинских! И религиозность, как уже было сказано, к этическому поведению человека имеет отношение, насколько человек нравственный, а не потому, что крест носит и каждый день причащается! Мало ли было с крестами на груди, но как сказал Иисус Христос: «Не всякий, говорящий Мне: Господи! Господи! войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного». Бывало и так, что крест носили, а сатане служили [9]

Мне скажут: так ведь Бог-то из «красной глины» Адама сделал! Так в Библии написано!

На что отвечу – правильно написано, да неправильно истолковано! А как правильно? Читайте отцов христианской церкви, они правильно объясняют религиозные тексты в отличие от таких умников, как Исаев, добывающих мудрость и этические нормы, вроде фокусника, из самого себя!

Да это бы еще ничего, если из себя только, а то ведь, возможно, болезнь зашла так далеко, что не от себя человек говорит. Жалко. Как никак, а ученый.

=====

Примечание:[1] Так как древние еврейские писатели и пророки не объявляли руководящими началами земной жизни человека надежды на вечное блаженство или страх вечных мучений, то они лишь неясно очертили учение о будущей

жизни, но, тем не менее мысли, высказанные ими мимоходом, вполне оправдывают переводчиков, передающих Шеол словом «Аид». (...) «Тогда патриархи и пророки, от Адама до Симеона и Иоанна Крестителя, радостно провозгласили пришествие света и исполнение пророчеств. Дьявол и ад вступили в отчаянную борьбу. Бесполезны были железные запоры медных врат, потому что приказано было отворить их для входа Царя Славы. Всемогущий бог разбил оковы и посетил сидевших во тьме и сени смертной. Адам и его праведные сыны были освобождены из ада и введены в сладостное блаженство».

Примечание [2] «Случай, когда болезненная одержимость духами переходит в прорицание, связаны в особенности с истерическими, конвульсивными и эпилептическими страданиями. Бэкгауз описывает тасманийского колдуна «с припадками спазматического сокращения грудных мышц, которые он приписывал, как и все вообще, болезни, демону». Эта болезнь служила для всех доказательством его вдохновенности. В то время как д-р Мэсон произносил проповедь близ языческого селения Пуо, с одним из слушателей сделался припадок падучей болезни: на него сошел семейный дух, чтобы через него запретить народу слушать миссионера, и он нараспев, как безумный, произнес это запрещение. Этот человек впоследствии обратился в христианство и говорил миссионеру, что он «не может отдать себе отчета в своих прежних действиях, но что ему, в самом деле, казалось, как будто говорил дух, и он должен был передавать сообщаемое им». В стране каренов процветают туземные «уи», пророки, функции которых заключаются в том, чтобы довести себя до возможности видеть отошедших духов, посещать их отдаленные жилища и даже призывать их обратно к телу, т. е. воскрешать мертвых. Эти пророки всегда очень первые, впечатлительные люди, вроде медиумов, и, делая прорицания, они, в самом деле, впадают в судороги».

Примечание [3] Совершеннейшее непонимание основ православной аскетики! Напротив, все отцы церкви

предупреждают о крайней опасности «стяжания благодати». Многие отказывались от её даров и просили о том Бога. А не искали её как безумные! Она приходит сама как результат праведной жизни и нечего её искать! Ну, а кто находит её только волей своей, тех дьявол похищает.

Из работы Игнатия Брянчанинова «О прелести».

«Во времена наши в Москве, в доме умалишенных, находился подобный пророк, к которому стекалось множество любопытных. Имя пророку — Иван Яковлевич.

Некоторого пустынного монаха посетили московские жители и начали пред ним выхвалять своего пророка. Они говорили, что в даре прозорливства его убедились собственным опытом, спросив его о своем родственнике, находившемся в Нерчинске в каторжной работе. Иван Яковлевич с час времени не давал ответа. Когда вопросившие понуждали скорее дать ответ, то он сказал им:

- А до Нерчинска далеко ли?

Они отвечали:

- Более 6000 верст”.

- Так скоро ли туда сбегашь! — возразил пророк.

Ответ его состоял в том, что у ссыльного обтерлись ноги до крови. Через несколько времени вопрошавшие получили от Нерчинского родственника письмо, в котором он описывал тяжесть своего положения и упоминал, что ноги его обтерты до крови кандалами.

- Представьте себе, каково прозорливство Ивана Яковлевича!

- заключили таким возгласом рассказ свой москвичи.

Монах отвечал:

- Прозорливства тут нет, а тут — очевидное сношение с падшими духами. Святой Дух не имеет нужды во времени: Он немедленно возвещает тайны и земные, и небесные. Иваном Яковлевичем послан был находившийся при нем бес из Москвы в Нерчинск, и принес сведение пустое, вещественное, удовлетворяющее тщеславию пророка и любопытству плотских людей, его вопрошавших.

Примечание [4] «Эзотерические войны», «Мистическая

реальность», «Мистика где-то рядом» и так далее.

Примечание [5] Читайте Иерофея Влахиса «Православная психотерапия»,

Преподобный Исаак Сирий говорит: «Не возненавидь грешного, потому что мы все грешны. Если ты ради Бога подвизаешься против него (грешника), то пролей о нем слезы. Для чего же ты и ненавидишь его? Возненавидь грехи его, а о нем помолись, и тем уподобишься Христу, Который не негодовал на грешников, но молился о них».

Примечание [6] Родословная альтруизма. Этика с позиций эволюционной генетики человека. (В.П. Эфроимсон)

Примечание [7] «Синергетика – теория самоорганизации». Курдюмов, Г. Малинецкий

Примечание [8] «Изучение эволюции альтруизма и кооперации – это центральная тема эволюционной этики, и это одно из тех направлений, двигаясь по которым, биология – естественная наука – в последнее время начала смело вторгаться на «запретную» территорию, где до сих пор безраздельно хозяйничали философы, теологи и гуманитарии. Неудивительно, что вокруг эволюционной этики кипят страсти. Но об этих страстях я говорить не буду, потому что они кипят за пределами науки, а нас, биологов, интересует совсем другое. Нас интересует, почему, с одной стороны, большинство живых существ ведут себя эгоистично, но, с другой стороны, немало есть и таких, кто совершает альтруистические поступки, то есть жертвует собой ради других».

Примечание [9]

Вот что пишет святитель Игнатий Брянчанинов:

«Новейшие опыты подтверждают то, что с ясностью доказывают опыты времен прошедших. И ныне прелесть — так на монашеском языке называется самообольщение, соединенное с бесовским обольщением — бывает непременно последствием преждевременного удаления в глубокое уединение или особенного подвига в келейном уединении. (...) Ходил старцу Леониду Павловского полка

солдат Павел, недавно обратившийся из раскола, бывший прежде наставником раскольников, грамотный. Лицо Павла сияло радостью. Но он, по возгоревшемуся в нем сильнейшему усердию, предался неумеренному и несообразному с его устройением телесному подвигу, имея о душевном подвиге недостаточное понятие. Однажды ночью, Павел стоял на молитве. Внезапно около икон явился солнцеобразный свет и посреди света сияющий белизною голубь. От голубя раздался глас:

- Прими меня: Я — Святой Дух; пришел соделать тебя моею обителью.

Павел выразил радостное согласие. Голубь взошел в него через уста, и Павел, изможденный постом и бдением, внезапно ощутил в себе сильнейшую блудную страсть: он кинул молитву, побежал в блудилище. Голодная его страсть сделала насыщение страстью не насыщаемым. Все блудилища и все доступные для него блудницы соделались его постоянным притоном».

СВОБОДА И ПРАВСТВЕННОСТЬ

Что же такое происходит? Вроде бы желаешь человеку добра и совет даешь дельный, веками проверенный: "не убий", "не укради" и "не возжелай", однако же, и убивает, и крадет. и желает. И что странно, нет у него возражений, более того он сам понимает всю пагубность своеволия и грядущей ответственности, а, поди ж ты, ему дорого, порой дороже жизни поступить по своему хотению!

Да и сам-то? Сам поучающий разве не такой? Да ведь и сам такой. вот в чем вопрос! Так что и знающий зло ничем не лучше "не ведающего, что творит", а может быть и хуже, потому что знает.

Прижатый к стене доводами разума, человек в отчаяние

вопит:

- Да, я может быть глуп и неуч, и дорого за это заплачу, но оставьте при себе вашу ученость, вашу мораль и дайте мне жить!

Вот и Бог сказал: - Не ешь! - А человек взял и съел, хотя плод грозил смертью. Знал ли Бог, что Адам его не послушает, а сын его Каин убьёт брата? Разумеется, знал, но создал человека свободным! Вот в чем дело! В эту свободу он не вторгается, если у человека нет помысла к тому, чтобы соединиться с Богом. А это дело молитвенное, непростое.

Свободная воля? Что это? Бунт человека, бессмысленный и бестолково опасный, ни на чем не основанный? Но пусть будет бунт, что из того, он есть и этим все сказано, но почему же, ни на чем не основанный? Может быть, основание нужно поискать в самом человеке, и сдаётся мне, в самом его ядрышке, или говоря философским языком, в его сущности. То есть опять-таки в его образе и подобию!

Кроме Библейских слов сказано было Адаму: "Живи, а когда подопрет и станет тебе тошно от дел жизни твоей, вот есть путь ко мне, покайся!"

Может быть, так было дело: сказал и перестал как-либо влиять на своё творение? глядит с небесных высот и не перестает удивляться человеку. Эко что вытворяет! Эко как своевольничает! Обжигается, претывается, подпрыгивает от боли и от ожогов, а от своеволия не отстывает!

Но если такова сущность человеческая, что разумные основания являются для него чем-то внешним, а сущность его в вечном бунте, то дело моралистов всех времен и народов, да что там моралистов! - любых здравых суждений

обречено на поражение, и чем упорнее настаивают на безусловном их исполнении, тем сильнее человек противится им. Что же это значит?

Возможно, это означает нечто иное, как то, что любое обращение к человеку с разумными требованиями бессмысленно, поскольку на них тут же восстает его вечно бунтующая сущность и он не желает ничего слышать, кроме её голоса?

Тогда в чем смысл государства, в чем смысл обращения еврейского народа к последнему ставленнику Бога Самуилу с требованием поставить над ними царя? И отчего человек, вопреки собственной природе, сбивается в стадо, в социальный организм, требующий от каждого своего члена ограничений свободы воли?

Недавно в трамвае один неглупый человек с жаром неопита, только что посвященного в некое знание, доказывал мне, что беды государства российского происходит оттого, что законы наши не несут морально-нравственной нагрузки и, таким образом, они разрушают нашу нравственность.

Не скрою, эта мысль очень близка мне, но наученный горьким жизненным опытом я знаю, что простые и ясные решения, воплощенные в жизнь, подчас являются самыми опасными решениями.

Вот испанцы, самая набожная в мире нация несмотря на христову заповедь "не убий", истребила сотни тысяч коренных жителей Центральной Америки, а прекрасные идеи "Братства, Свободы, Равенства", породили самые уродливые формы человеческих отношений. В чем тут дело? А дело-то в человеке, идеи живут сами по себе, а человек

живет по нужде, нужда - вот владычица человека! И, откуда над человеком висит меч нужды, ему не до нравственных императивов, нужно уже не жить, а выживать.

Конечно, неистовая вера мормонов совершила чудо и, гонимые отовсюду, они сумели превратить сумму своих вер и волю в экономическое процветание, лишний раз доказав, что нравственность и экономика взаимосвязаны и взаимообусловлены, но оттого этот американский феномен и назван чудом, что подобное является исключением из общего правила человеческого бытия, а правило немудрящее; от голодного человека ждать нравственных поступков такое же чудо, как гром среди ясного неба.

Положительные категории нравственности, как и отрицательные, имеют одну удивительную особенность; они не могут существовать друг без друга, чтобы не перейти в свою противоположность. И, думается мне, если государственной идеологией станет Нагорная проповедь, то в таком государстве Христос превратится в Антихриста.

Абсолютное Добро, как и абсолютное Зло, равно противны человеческой сущности, поскольку надлежит быть человеку, в этом мире, распятым между ними, так как он равно бунтует против и того, и другого. Только стоит человеку о чем-нибудь крепко задуматься, как тут же подступают сомнения, и его начинает трясти и качать в разные стороны.

Как-то мне попалась книжка японского писателя Кобо Абэ "Женщина в песках", там два героя ведут диалог: *"В Японии на сто человек приходится один шизофреник."*

- Простите, Вы о чем?

- К стати клептоманов тоже один процент.

- Да вы о чем?

- Понимаете, если и однополой любви среди мужчин так же один процент, то, естественно предположить, что такой же процент среди женщин.

- Я вас не понимаю.

- Послушайте, если продолжать дальше - один процент поджигателей, один процент психически отсталых, один процент маньяков, один процент страдающих манией величия, один процент закоренелых жуликов, один процент импотентов, прибавьте к этому людей, боящихся высоты, наркоманов, подверженных истерии, одержимых мыслью об убийстве и все хотя бы по одному проценту, то нормальных людей нет".

Вот уж не пойму, отчего мне пришла в голову мысль процитировать это место, но, наверное, не зря выплыло оно из глубин памяти именно в момент моих размышлений о нравственности и свободе, и так овладело мной, что пришлось заново перечитать роман. Впрочем никакого положительного ответа я не нашел в романе, ведь рассуждая таким образом, то есть перечисляя то отрицательное, что есть в человеке, даже по полпроцента, можно прийти к заключению, что о нормальности судят не нормальные люди. А "нормальность" человека, на самом деле, есть ничто иное, как набор положительных и отрицательных качеств, и нет никаких преимуществ у двуполой любви перед однополой, кроме обычаев народа, закрепленных в морально-этических императивах.

Однополая любовь в Древней Греции была обыденным явлением, но мужества они оттого не утратили и красоту

понимали так, как нынче мало кто понимает. Выходит, не в пороках дело, а в их направленности, дело не в том, что делается, куда важнее, из каких оснований исходит это действие. Вот это-то главное мы и забыли, забыл Горбачев, а Ельцин и вообще этого не понимал, когда действовал в духе большевизма, насилуя и коверкая природу человеческую, пусть искореженную годами социализма.

Природа, а человека тем более, не прощает над собой насилия. Потому-то от Древней Греции остались с десяток статуй и разрушенные храмы! Глумление над природой не проходит бесследно. Ложными были основания, на которых строилась греческая цивилизация! Так зло завораживает своей эстетикой! Точно так же ложью является либерализм в России! И что осталось от величия СССР? Только память, и та уходит вместе с теми, кто дышал этим воздухом и был одержим духом интернационализма и жертвенности во имя идеи. Что из того, что основание идеи покоилось на ложном фундаменте? Миром двигают добросовестные заблуждения!

А когда и кто не корежил и не ломал человека, и особенно русского? Вот то-то! И кто не служил злу? Неважно, осознавая это, или нет?

Английский философ Джон Стюарт Миль в 1859 году написал трактат о свободе как непрременном условии рыночных отношений, и он предупредил политиков; *"Государство, которое превращает людей в кроликов, чтобы они были послушными орудиями в его руках, даже если его цели благородны, обнаружит, что великие дела не совершаются мелкими людьми и что совершенная машина, ради которой пожертвовано всем, в конечном*

счете, ничто, так как не хватает жизненной силы, которую уничтожили, чтобы эта машина действовала без помех".

Великие дела! О да! Испанский король Филипп Второй по некоторым источникам в детстве любил мучить животных, и отец застал его за попыткой распять и сжечь на кресте мартышку. Хотел наказать. Духовник отца, иезуит, воспротивился, сказал, что его сын прославит себя на небесах сжиганием еретиков.

При Петре в Москве был юродивый Тимофей Архипов, ему принадлежат страшные, но верные слова о русском народе: *«Нам хлеба не надо, мы друг друга едим и тем сыты бываем».*

Это о богоносном народе? Это обо мне так? Всё во мне вопит – разве я такой? Как такое признать? Страшно!

И все же, и всё же! «Кто не принадлежит миру, тот принадлежит Богу». Нельзя же, в самом деле, по утрам Бога отрицать, а по вечерам признавать? Надо определяться. Значит нужно в себе вот это людоедство истреблять! Или же жить, делать вид, что людей не ем никоим образом, ни под каким соусом, скажем, невыплатой зарплат, валютными и иными спекуляциями, процентной ставкой по кредитам и так далее?

Это совершенно иная постановка вопроса, чем у протестантов всех ветвей и расцветок!

Протестанты живут здесь и для себя - русские живут для века грядущего, христово. Поэтому мы в мир несем идею, неприемлемую для англо-саксонского мира! Чудовищную, в их духовном понимании – идею нестяжательства, идею того,

что *«легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому войти в царствие небесное»*.

Поэтому и нас ломает и корежит, когда мы пытаемся усвоить идеи западные. Анатомия духа у нас другая! А дух, как известно, создает формы адекватные себе.

Есть великий соблазн закончить эти размышления, каким-то обобщающим суждением, высказать что-то такое, что расставило бы всё по своим местам, но боюсь, и совершенно справедливо, любое окончательное решение на самом деле окажется очередной ложью. По-моему у Шеллинга сказано, что задача философии не отвечать на вопросы, а правильно их формулировать. По сути дела он говорит о том, что окончательных ответов нет, а есть только осознание проблем и связанные с ними "правильные вопросы".

Моя задача куда скромнее, обратить внимание общественности на явное противоречие между свободой и правственностью, между обществом и личностью, которое вечно и везде, но нигде так остро не стоит, как в России.

Частная собственность, конвертируемость валюты, свободное ценообразование, словом, весь экономический либеральный лоск, всего лишь следствие особого вида демократического духа, вызревшего в протестантизме.

Как рост грибов после дождей и туманов, а не наоборот, дождь и туман произошел оттого, что грибы выросли.

Нельзя выращивать саксаул за полярным кругом в тундре, а ягель в пустыне Кара-Кум.

Жаль только, что многое, очень многое невозможно вместить в разумные рамки статьи, приходится обрывать себя на полупразае, на полувздохе, пробегать мимо ответвлений,

тропинок и широких дорог, поскольку бытие человеческое напоминает кровеносную систему, в которой отдельное имеет связь с всеобщим, и всеобщее не существует без отдельного.

1997 год.

СОДЕРЖАНИЕ.

Иудеи и власть	стр 3
Записка от не ученого ученым.....	стр12
Лож и правда культуры.....	стр 24
Русский вопрос.....	стр 35
Фокусники.....	стр 39
Свобода и нравственность.....	стр 49

Литературно-художественное издание

Михаил Петрович Анохин

ИУДЕИ И ВЛАСТЬ

Редактор Л. Козлова

Оформление обложки Л.Козлова.

САМИЗДАТ

Пр. Ленина 33 кв 63 г. Прокопьевск

Формат А5

Гарнитура Times New Roman

Бумага офсетная N1

Тираж 50 экз.

О ДОГОВОРНАЯ
К 50р. ЦЕНА